

А. Г. Овчинников
Екатеринбург, Россия

КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПРИЕМ СОПОСТАВЛЕНИЯ В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Аннотация. В статье рассматривается сопоставление образов Петра-Медного всадника и Евгения в ключевых фрагментах поэмы, выявляется идейно-художественный смысл и семантика этих образов в контексте проблематики произведения.

Ключевые слова: Петр I, Евгений, Медный всадник, Пушкин, проблема человека и власти, композиция, прием сопоставления, семантика живого и мертвого.

A. G. Ovchinnikov
Yekaterinburg, Russia

COMPOSITIONAL TECHNIQUES COMPARISONS IN PUSHKIN'S POEM "MEDNYI VSADNIK"

Abstract. In article comparison of images of Peter I and Evgeny in the most significant fragments of the poem is considered, the ideological, art sense and semantics of these images in a context of the most important problems put in work comes to light.

Keywords: Peter I, Evgeny, Bronze Horseman, Pushkin, problem of the person and power, composition, comparison reception, semantics live and dead.

Поэма «Медный всадник» является одним из самых изученных, но так до конца и не разгаданных произведений А. С. Пушкина. Существует не только многочисленная литература по «всадниковедению», но и литература об этой литературе. А. Б. Перзек, досконально разобравший основные сложившиеся интерпретации произведения, выделяет три наиболее устоявшихся версии ее понимания. Взгляды на поэму В. Белинского, Д. С. Мережковского, Г. А. Гуковского, Л. П. Гроссмана и др. ученый характеризует как версию «государственно-классицистического» понимания произведения. Это направление «видело в поэме Пушкина утверждение неумолимой поступи прогресса, цивилизации..., воплощаемой в Петре, торжество идеи государства над идеей отдельной личности. Обездоленный Евгений... вызывал известное сожаление, и в то же время происходило признание его участи как неизбежной жертвы поступательного движения» [Перзек 2011: 10–11]. Одной из популярных гуманистических версий прочтения «петербургской повести» является версия, предложенная В. Брюсовым и нашедшая свое продолжение во многих работах ученых-пушкинистов (Г. П. Макогоненко, И. Бэлза, Б. Мейлах и др.). В этих работах выявлялась равновеликость Петра и Евгения в определенные моменты, пушкинское сочувствие «маленькому человеку» и оправданность его права на счастье. Вместе с тем, как указывает А. Б. Перзек, «оценка этого героя с позиций его гуманистического потенциала в «Медном всаднике» была достаточно относительна и непоследовательна, поскольку сочувствие ему и признание его прав и некоторых достоинств всё равно оставляло Евгения в нише «маленького человека» недалёкого ума, с ограниченным кругозором и житейски приземлёнными бескрылыми мечтами, равнодушного к общему делу» [Перзек 2011: 11]. В работах других ученых (Ю. Боров, М. Эпштейн,

С. М. Бонди и др.) обосновывалась идея двух равновеликих, но противоположных правд главных героев, трагической неразрешимости конфликта, объективности автора, который не показывает какую-либо из прав главенствующей.

Определенные проблемы возникают в связи с рассмотрением поэмы и в школьном изучении. Трудности понимания вызывает как раз идея о равновеликости героев, неоднозначной позиции автора. Школьники часто в духе «государственно-классицистической» версии недооценивают Евгения, лучше понимая идеи и задачи Петра. Принимая в качестве узловой точки сюжета бунт Евгения, школьники в своих работах представляют его бессмысленным, бунтом песчинки против Того, что стало частью истории, против чего бунтовать просто невозможно. Это, конечно, в значительной степени так и есть, но разве поэма может быть сведена к строчке О. Мандельштама: «Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить»? Одной из плодотворных методик в этом плане может быть методика сопоставления образов Петра-Медного всадника и Евгения.

Мы исходим из мысли о том, что сопоставление – один из ведущих композиционных приемов, использующихся в произведениях Пушкина. Как утверждает В. Хализев, в более сложных художественных структурах, таких как реалистическая, композиция, построенные на антитезе, вытесняются композициями, построенными на сопоставлении [См. Хализев 1999: 190–191].

Петр и Евгений в поэме сталкиваются в ходе сюжета три раза, эти фрагменты наиболее значительны и интересны для анализа. Как нам представляется, в эти моменты сопоставляя героев, Пушкин делает их равновеликими и одновременно неравными.

Поэма начинается с показа Петра, его дум о Петербурге и чудесного явления этого города:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум высоких полн... (IV, 275)¹

Затем следует фрагмент о другом герое – Евгении, возникает сопоставительный план. Смысл этого сопоставления В. Брюсов определяет в контексте антитезы «величественный – ничтожный». По мысли русского поэта, Пушкин даже отказался от своих первоначальных замыслов в отношении какой-либо биографии или духовного облика Евгения, чтобы подчеркнуть, что перед нами «маленький человек», ничтожнейший и не более того [См. Брюсов 1987: 174–178]. Однако следует обратить внимание на тот факт, что, действительно, практически ничего не говоря о другом герое, Евгении, Пушкин вновь концентрируется на его думах, мечтах.

Эти мечты, действительно, не таких яркие, грандиозные, как замысел Петром Петербурга, это мысли о собственном счастье, о семье, о детях. Сразу же возникает противопоставление в контексте целостного идейного замысла поэмы: в ней как раз и будет рассказано о том, почему замыслы одного, величественные (и в чем-то даже безумные) осуществились и почему помыслы другого героя, весьма тривиальные, обыкновенные мечты, простые стремления к счастью оказались разрушены. Равновеликость персонажей здесь, можно сказать, экзистенциальная: оказывается, что, как и всем людям, им свойственно одно и то же стремление – думать о предстоящем и стремиться воплотить свои мечты. Но и неравносность весьма ощутима: мечтания не только по масштабу разные, но сразу же говорится о том, что более полновесные, как бы важные для страны планы осуществились – вознесся Петербург. В дальнейшем мы узнаем о том, что этот вознесшийся Петербург и потопил все мечты другого героя – Евгения.

Второй интересный момент, когда герои сведены вместе, это во время наводнения, в момент буйства Невы. Спасаясь от наводнения, Евгений оказывается сидящим на льве, спиной же к нему возвышается Медный всадник. Этот момент специально акцентируется Пушкиным. То, что человек оседлал сторожевого льва, кажется смешным, нелепым, но именно это как раз его делает более живым, естественным. К тому же герой очень обеспокоен судьбой своих близких:

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя (IV, 281).

В то время как положение Петра представляет- ся противоположным – величественным, Петр здесь

как небожитель, как бы отдален от всего земного, простых земных забот и страданий смертных:

Боже, боже! там –
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива –
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?
И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне (IV, 281–282).

Вместе с тем и здесь, несмотря на то, что траектории Петра и Евгения все больше отдаляются друг от друга, зрительно их силуэты похожи: это изображение человека, сидящего на животном. Понятно, что Евгений на льве – это некая карикатура на памятник, изображающий героя на коне, но как просто люди, спасающиеся во время наводнения, они могли бы быть похожими: оба на возвышении. Также, возможно, Пушкин, показывая Евгения на льве, воспроизводит архетипическую ситуацию спасения человека с помощью животного во время наводнения или в море. В этом плане облик Евгения опять же ощущается более естественным, живым. Однако животное, с помощью которого спасается герой, – лев (да еще и «сторожевой») и никак не воспринимается спасающим или спасительным животным. Кроме того, Евгений показывается как бы окаменевшим («как будто к мрамору прикован»). Остолбенение, мертвенность героя связывается с пробудившимися в нем сомнениями относительно возможности счастья и любви в земном мире. И в этом плане вновь акцентируется победа земного гения над всеми простыми смертными, «тварями дрожащими». Выстраивая образ на динамике семантической оппозиции «живое – мёртвое», Пушкин вновь акцентирует скрытую общность персонажей при абсолютном различии. Абсолютное различие раскрывает онтологическое противоречие: почему Бог так милосерден в отношении тварей, им же созданных, и почему Ему только удалось? А общность подчеркивает изначальное (по природе) равенство всех людей (идентичность силуэтов; однако, как бы ни копировал героя, он остается простым смертным). Равновесность персонажей в данном случае подчеркивается и отсылкой к «мечте» Евгения («Вдова и дочь, его Параша, его мечта»). Но Еgo мечта была Петербург, вознесшийся на столпах Еgo гордыни, Еgo величия, Еgo власти. Однако мечта Евгения не менее важна в общечеловеческом смысле, его мечта – любовь.

И наконец, третий интересный момент, когда герои сведены друг с другом, – это момент куль-

¹ Произведения А. С. Пушкина цитируются по изданию: [Пушкин: 1977]. Номер тома и страницы указан в круглых скобках после цитаты.

минации, заканчивающийся угрозой Евгения Петру. Здесь также присутствует элемент некоторого сходства героев при абсолютном различии. Озарение Евгения, осознавшего «демоническую» силу власти Петра, происходит после того, как герой сходит с ума, это озарение на какое-то мгновение выводит героя, по всей видимости, из его обычного бреда. Но и памятник, его поведение, то, что он оживает, тоже неестественно (эта ситуация демонически оживающей статуи хорошо описана в пушкинистике). В описании памятника, как он видится Евгению, также нас поражает и сам облик Петра. Это уже не Петр-человек, дерзкий полководец, яркая личность, каким он предстает в «Полтаве», это уже совершенно другой – демонизированный Петр, не Петр, а Петр-Медный всадник. Причем Пушкин, возможно, сознательно, повторяет некоторые детали из описания Петра в «Полтаве», превращая человека Петра с его красотой бурной дерзновенности в идол власти, который может только ужасать.

Сравните:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его *ужасен*.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему *коня* подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя *роковой огонь*,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь *могущим* седоком.
<...> Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой
(«Полтава», IV, 214–215)

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в *сем коне какой огонь*!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О *могущий* властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?
(«Медный всадник», IV, 287)

Здесь, в этом отрывке, перед нами предстает и образ российской власти. Подчеркивается созидательная мощь и в то же время деструктивные ее особенности. Власть представляется непредсказуемой, жестокой и в то же время исторически непреложной, безальтернативной, вынужденной предпринимать титанические усилия, решаться на самые безумные проекты, чтобы удержать «над самой бездной на высоте уздой железной» страну, которая в определенные моменты как будто с какой-то неизбежностью скатывается в пропасть. Собственно, Петербург и был подобным безумным проектом (вместе с тем дающим стране огромные перспективы). И это тоже проявляется в момент озарения Евгения:

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался... (IV, 286–287)

М. Эпштейн обратил внимание на финальную фразу в этом отрывке, сказанную Пушкиным как бы вскользь, случайно: «Выход Невы из берегов, сошествие памятника с постаментов и сумасшествие Евгения – во всех трех событиях, стирающих грани вещей, ощущается первоначальная “роковая воля” того, кто сдвинул раздел между морем и сушей, произвел – в буквальном смысле слова – переворот, благодаря которому “под морем город основался”». [Эпштейн 1988: 58–59]. Как мы видим, в озарении безумного человека осознано все то, что уже изначально озарено некоторой аномальностью, как бы сумасшествием «роковой воли» Петра, решившего поднять «из топи блат» великий город.

Таким образом, при всей совершенно очевидной противоположности образов Петра и Евгения в «Медном всаднике» выявляется и определенная равновесность героев, которая определяется в ходе сюжета и может быть осознана как скрытая общность при абсолютной противоположности. В начале поэмы мы можем увидеть как бы изначальную тождественность героев: при всем том, что масштабирование разное, подчеркивается их равенство в общечеловеческом смысле, обоим свойственно мечтать и стремиться воплотить свои мечтания. В момент наводнения герои абсолютно разделены, но вместе с тем Пушкину для чего-то важно акцентировать смутное сходство силуэтов. В кульминационный момент герои более концептуально соотносены, в чем-то уравниены: озарение в момент безумия одного выявляет изначальное гибельное безумие другого. Наконец, абсолютно равным Петру Евгений предстает в момент своего вызова, своего бунта, но вскоре вновь превращается в песчинку Истории, пускаясь наутек от страшного, как бы вызванного им самим демона.

На протяжении всего хода повествования мы видим и то, что Пушкин как будто избавляется от облика Петра-человека, подменяя его Петром-Медным всадником – живое будто подменяется мертвым. В конечном счете, то, что остается от Петра-человека (который в «Полтаве» «ужасен», но и «прекрасен», «не весь как божия гроза»), – это его мечты о Петербурге («стоял он, дум высоких полн»). Затем Пушкин показывает чудо, осуществленное им, – сам этот город. А в дальнейшем начинается совсем другая история – столкновение человека (Евгения) с тем, что исторически неизбежно и в то же время в силу своей бесчеловечной сути неприемлемо. И мы видим странное омертвление Евгения, когда на него накатывается громада непреодолимого онтологического осознания, дальше его ждет безу-

мие и духовная смерть, но перед смертью физической вспышка духовного озарения на какой-то момент оживляет героя. Что же остается от Евгения человека? Его неосуществленная любовь. По всей видимости, именно это становится для Пушкина единственно важным, что можно противопоставить «кумиру... на бронзовом коне», «горделивому истукану» с «тяжело-звонким скаканьем по потрясенной мостовой» (IV, 286–287), потому что «Если любви не имеешь...». И в этом плане неравносность героев окончательно разрушается. Вместе с тем сопоставительная конструкция остается непоколебимой: в поэме два чуда – чудо Петербурга и чудо любви Евгения, и два омертвления человека: одно превращение уничтожает человеческое перед непреложным и неприемлемым, другое – посредством безмерного возвеличивания того, что, может быть, исторически

и непреложно, но в гуманистическом смысле неприемлемо.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов В. Я. Медный всадник // Брюсов В. Я. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 165–197.

Перзек А. Б. «Медный всадник» А. С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917–1930 гг). Диссертация на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. – Великий Новгород, 2011.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979.

Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999.

Эпштейн М. Н. Фауст и Петр на берегу моря // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 41–64.

Данные об авторе:

Овчинников Андрей Германович – старший преподаватель кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Адрес: 620137, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.

E-mail: andr.owchinnickow@yandex.ru.

About the author:

Ovchinnikov Andrey Germanovich is the senior teacher of Chair of Philology of Specialized Educational Scientific Center of the Ural Federal University (Yekaterinburg).